

Философия: от текста к интерпретации

*Philosophy: From Text to Interpretation /
Philosophie: vom Text zur Interpretation*

УДК 1(091):130.2:2-277.2:81'255

**Гарнцев М.А.* ,
Платонов Р.С.****

М.А. Гарнцев

Р.С. Платонов

**Проект Шлейермахера:
перевод диалогов Платона и задача общекультурного развития**

*Гарнцев Михаил Анатольевич, кандидат философских наук, доцент, Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: plotinus@yandex.ru

**Платонов Роман Сергеевич, аспирант Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: roman-vsegda@mail.ru

Цель данной статьи — показать, что философское содержание теории перевода Ф. Шлейермахера не исчерпывается только герменевтической проблематикой и включает в себя особенное понимание перевода в широком смысле как задачи общекультурного развития и приобщения через язык к культуре других народов. Такое понимание является результатом многолетнего опыта Ф. Шлейермахера по переводу диалогов Платона и определено принципами, разработанного им, «внутреннего метода» перевода. В статье анализируется методология перевода Ф. Шлейермахера, как она изложена в лекции 1813 г. «О разных методах перевода»; сопоставляется описание «внутреннего метода» во Введении к переводу диалогов Платона с подробным его изложением в лекции 1813 г. Делается вывод, что, по Ф. Шлейермахеру, перевод в обычном понимании всегда неполноценен, только перевод в широком смысле может дать подлинное сближение с тестом иной культуры.

Ключевые слова: перевод, язык, культура, метод, читатель, переводчик, автор, писатель, Платон, Шлегель, Шлейермахер.

Перевод Фридрихом Шлейермахером диалогов Платона с древнегреческого языка на немецкий представляет собой не только кропотливый и фундаментальный труд, снискавший заслуженную репутацию «классического»¹, но еще и

¹ В кругах немецкой интеллигенции перевод Шлейермахера авторитетен более двух веков. Пожалуй, лишь У. фон Виламовиц-Мёллендорф признавал этот перевод «совершенно невыносимым» — «ganz ungenießbar» [von Wilamowitz-Moellendorff 1920, S. 5]. Однако курьезное суждение почтенного филолога-классика, как справедливо полагает Дж. Лэмм, проистекает из уверенности в том, что Платон непереволим и его следует читать только на древнегреческом [Lamm 2000, p. 206].

захватывающую историю, вобравшую в себя в конце XVIII — начале XIX вв. перипетии сложных межличностных отношений внутри кружка романтиков и их почитателей.

В 1796 г. уроженец Бреслау Фридрих Даниель Эрнст Шлейермахер после разъездов по Германии обосновался в Берлине, куда в 1797 г. из Йены переехал самый младший из пяти сыновей Иоганна Адольфа Шлегеля Карл Вильгельм Фридрих Шлегель, имя которого оказалось на слуху как у посетителей модных салонов, так и у высокообразованной публики, в частности, с интересом читавшей древнегреческих авторов. Нетрудно представить, как быстро Шлейермахер оценил свежесть идей раннего немецкого романтизма и новаторство замыслов своего нового амбициозного друга, тесное общение с которым он почел за честь для себя. Хотя Шлегель был на три с половиной года младше Шлейермахера, он обладал ярко выраженными чертами интеллектуального лидера и мог при желании диктовать другу свои правила.

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

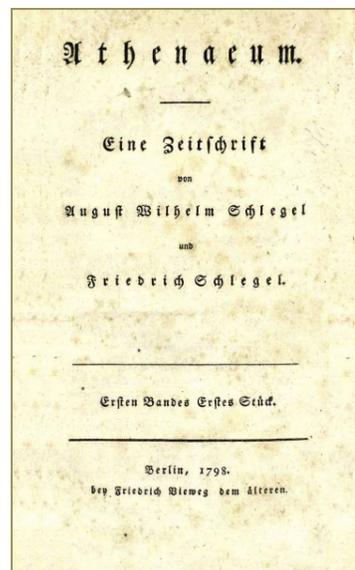
Со временем Шлейермахер был привлечен им к сотрудничеству с журналом «Athenaeum» (первый номер вышел в 1798 г.), где стали публиковаться труды различной тематики, выражая взгляды кружка «йенских романтиков», в том числе и на роль литературы в культуре. Здесь же Фридрих Шлегель, увлеченный античной поэзией, выпустил в свет свой совместный с братом Августом Вильгельмом перевод древнегреческих элегий («Элегии, переведенные с греческого»).

Фридрих Даниель Эрнст Шлейермахер (Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, 1768—1834) в молодости. Гравюра конца XVIII в.

Карл Вильгельм Фридрих Шлегель (Karl Wilhelm Friedrich von Schlegel, 1772—1829). Портрет работы Франца Гарайса. 1801

Титульный лист первого номера журнала «Атенеум» (Das Athenaeum, Берлин, 1798)

Август Вильгельм Шлегель (August Wilhelm von Schlegel, 1767—1845), историк литературы, поэт, переводчик. Портрет работы неизвестного художника. Ок. 1800

Среди античных авторов у романтиков особо почитался Платон, которого, однако, они ценили не за оригинальность и масштаб философской мысли, но за художественность и стиль изложения —

«в романтическом каноне Платон, древний философ, который нападал на поэтов, стал «романтическим» поэтом и художником²» [Lamm 2005, p. 93].

² Романтики, а вслед за ними и Шлейермахер, охотно использовали слово «Künstler». Однако этот термин в данном случае следует понимать как художник в самом широком смысле слова.

До времени знакомства со Шлейермахером Шлегель уже год размышлял о переводе платоновских диалогов. Привлечение талантливого антиковеда к задуманному делу было предрешено, и Шлегель прямо предложил ему участвовать вместе с ним в проекте по изданию переводов Платона. Вполне в духе романтиков³ Шлейермахеру оставалось только ахнуть:

³ Дж. Лэмм солидарна с А. Арндтом в том, что «декларации преклонения перед Платоном» [Lamm 2000, p. 239] не являются доказательствами «определяющего влияния на собственную философию Шлейермахера» [Arndt 1996, S. VII].

«Ах! Это — божественная идея» / «Ach! Es ist eine göttliche Idee», — писал он Генриетте Герц 29 апреля 1799 года [Schleiermacher 1992, S. 101].

Он погрузился в новые штудии с большим энтузиазмом и восторженным трепетом перед грандиозностью намеченного.

«Сколько еще работы предстоит мне сделать, чтобы быть достойным товарищем Шлегеля в обозрении Платона! Но был бы ты здесь, как верно я воспользовался бы твоей критикой! Я в таком восторге от всего этого предприятия и столько священного благоговения испытываю, и я никогда не простил бы себе, если бы сделал тут что-то заурядное. Нет писателя, который так повлиял бы на меня и посвятил бы меня в Святая святых не только философии, но и человека вообще, как этот божественный муж, и за это я очень хотел бы самым достойным образом отблагодарить его» [Schleiermacher 1994, S. 82].

Такие признания он делал своему другу фон Бринкманну еще в середине 1800 года.

Но вскоре ситуация изменилась: благодаря неустанному совершенствованию текста перевода Шлейермахер почувствовал себя уверенно, тогда как Шлегель не проявлял особого усердия в выполнении взятых на себя обязательств. По-сылая свой перевод «Федра» Шлегелю в марте 1801 года, Шлейермахер не только просит его поделиться мнением, но и подчеркивает, какую основательную работу проделал и каких результатов добился:

«Я должен тебя попросить, чтобы там, где ты имеешь подозрения относительно смысла, ты сообщил мне свои предложения: я полагаю, что основательно обдумал все и что другой возможный смысл едва ли ускользнул бы от меня» [Schleiermacher 1999, S. 69].

ГАРЦЕВ М.А., Платонов Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

При этом Шлегель по-прежнему видел себя именно идейным руководителем:

«Я думаю начать труд с введения об изучении Платона, которое я хотел бы подготовить сам», — писал он [Schleiermacher 1992, S. 412],

тогда как Шлейермахеру им отводилась более скромная роль по подведению итогов (Nachkonstruktion), впрочем, и основная работа по переводу [Arndt 2013, S. 266].

В конце концов, решающим оказался объективный фактор: когда у Шлейермахера уже были готовы переводы двух диалогов из запланированных четырех, Шлегель по-прежнему довольствовался лишь самыми общими мыслями и не мог похвалиться никакими переводческими достижениями. В мае 1803 г. он вышел из проекта, сославшись на то, что перевод — это не самая сильная его сторона и у него нет достаточной склонности к нему [Nowak 2002, S. 133].

Лишенный идейного вдохновителя, пусть даже номинального, Шлейермахер оказался вынужден самостоятельно обдумать свои собственные основания в подходе к достижению столь масштабной цели. Как следствие, в 1804 г. в издании переводов первой группы диалогов («Федр», «Лисид», «Протагор», «Лакхет») публикуется также и общее введение⁴,

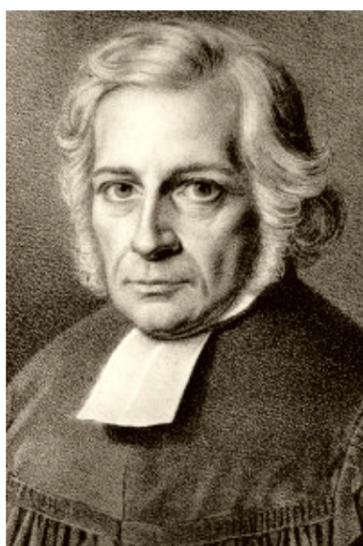
⁴ Обычно называемому «общее», хотя у самого Шлейермахера для него нет специального названия. Далее в статье для удобства оно будет называться — Введение.

написанное самим Шлейермахером. В нем он решает вполне конкретные задачи: определяет хронологию диалогов, поясняет особенности своих взглядов на Платона «als philosophischen Künstler»⁵ [Schleiermacher 1996, S. 29], анализирует подходы

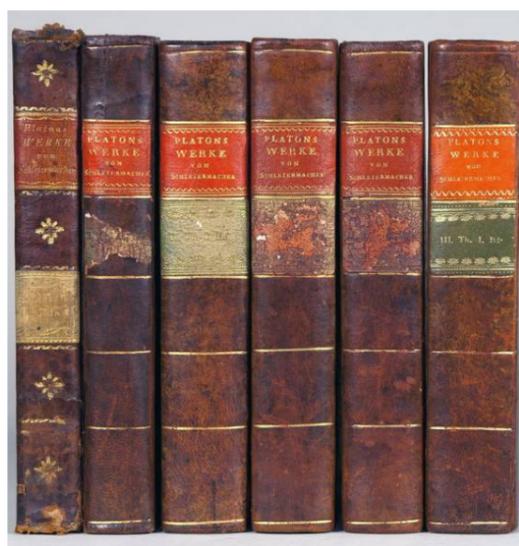
⁵ Что особенно интересно — в данном словосочетании мы как раз сталкиваемся с невозможностью исчерпывающего перевода, ведь его можно интерпретировать и как «философский художник», и как «философствующий художник».

своих предшественников. Но если бы все ограничилось только этими разъяснениями, занимающими большую часть Введения, оно могло бы остаться совершенно неинтересным за пределами узкоспециальной области истории платоноведения.

Особенность же Введения в том, что в нем Шлейермахер впервые серьезно рассматривает проблемы теории перевода. Хотя и в этом случае к специалистам по истории платоноведения могли бы добавиться лишь филологи, которые, в свою очередь, также отодвинули бы методологические достижения Шлейермахера в историю — историю филологии. Однако с Введения начинается путь Шлейермахера в философию (чего он сам, скорее всего, и не планировал), и это по сей день привлекает к данному тексту внимание исследователей совершенно разных направлений. Путь этот уже хорошо известен — это герменевтика. Как выразился Т. Германс, «за герменевтическими отголосками мы ощущаем обретаемый Шлейермахером опыт перевода Платона» [Hermans 2015, p. 98]. Уже в XX в. идеи Шлейермахера получили новое развитие, когда на них обратил внимание Гадамер.

Ф. Шлейермахер. Литография первой половины XIX в. из собрания Университета Гумбольдта (Берлин)

Первое издание сочинений Платона в трех частях в шести томах (Berlin, G. Reimer, 1804—1828)

Второе, исправленное издание сочинений Платона в переводе Ф. Шлейермахера (Berlin, G. Reimer, 1817): Титульный лист (слева) первой части первого тома в увеличенный фрагмент с его содержанием (справа)

Период начала работы над переводами справедливо называется учеными «герменевтическим поворотом» в творчестве Шлейермахера [Arndt 2013, S. 267], которому во Введении соответствует методологическое рассуждение о понимании части через целое. Содержание целого раскрывается через взаимосвязи его частей, когда каждый диалог, взятый не только в своей целостности, но и в связи с остальными диалогами, позволяет нам увидеть своеобразие автора (Платона) (см. [Schleiermacher 1996, S. 48—62]). Шлейермахер ищет некую присущую данному тексту структуру, которая направляла бы наше понимание⁶. Этот методологический ход представлен в «соматической метафоре» [Lamm 2005, p. 101] — взгляде на

⁶ «До Шлейермахера это было обычной практикой — использовать два критерия в оценке подлинности: самобыт-

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

ность языка и диапазон предмета. К названным двум Шлейермахер добавлял третий критерий — форму и композицию <...> В диалогах первого ранга эти три характеристики — язык, предмет и форма — все присутствуют явным и взаимопределяющим образом» [Lamm 2005, p. 104].

творчество автора как корпус (тело) текстов, где все тексты представляют собой единое пространство развития / движения творчества автора. Шлейермахер описывает это следующим образом:

«Ибо хотя тот, кто должен точно узнать всю природу тела, тот отделит отдельные сосуды или кости с целью сопоставления их со схожими, таким же образом расчлененными [частями — М.Г., Р.П.] <...> сможет эти части продемонстрировать и сопоставить, однако не достигнет этим знания, присущего природе целого». Нужно «разрабатывать не отдельные мнения, но отдельные произведения в их естественной связности, каким образом они постепенно развивались как все более полные изложения его [Платона — М.Г., Р.П.] идей, где каждая беседа будет понята не только как целое в себе, но и в своей связи с другими, также он [Платон — М.Г., Р.П.] сам наконец будет понят как философ и художник» [Schleiermacher 1996, S. 38].

Вторым теоретическим положением во Введении является деление методов на «внутренний» (innere) и «внешний» (äußer), или «исторический» (historisch) [Schleiermacher 1996, S. 47–48, 69].

Как и любой исследователь Платона, Шлейермахер естественно сталкивается с ситуацией недостатка информации:

«Но даже относительно самых известных обстоятельств его жизни (например, его странных путешествий), удастся с уверенностью определить так мало точного, что не очень много пользы можно извлечь из этого для хронологии и порядка его текстов» [Schleiermacher 1996, S. 26].

Сложность этой ситуации не всем по силам, что, например, приводило к мыслям о некоем неписаном (эзотерическом) учении Платона (в чем-то похожем на гипотезу ad hoc), которое якобы могло быть более содержательным и структурированным, чем мы можем видеть в диалогах. Такие идеи, как известно, имели сторонников и в XX в. Но Шлейермахер исходит из того, что

«ныне мы не имеем других свидетельств его [Платона — М.А., Р.П.] величия и превосходства, кроме этих текстов» [Schleiermacher 1996, S. 33].

Ведь, по сути, некое неписаное учение может актуально быть лишь фантазией исследователя, как если бы он додумывал за автора. Работа над переводом Платона — это один из тех случаев, когда переводчик оказывается без страховки, без подпорок из артефактов — достоверных исторических документов ничтожно мало. Даже свидетельства Аристотеля нельзя принимать некритично:

«Всякая цитата, приведенная в произведениях Аристотеля только случайно или, как это часто бывает, с излишними украшениями, не может расцениваться как доказательство достоверности платоновских диалогов» [Schleiermacher 1996, S. 53].

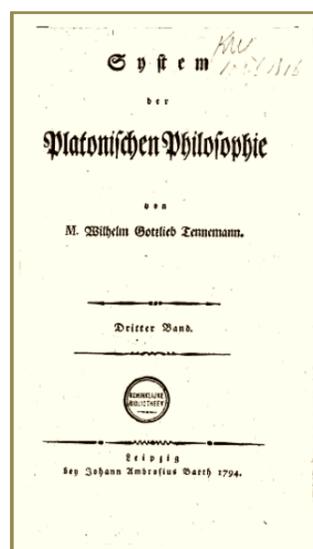
Принимая во внимание скудость исторических данных, Шлейермахер сосредоточивается на самом тексте и языке, что и приводит его к стратегии понимания произведения, исходя из самого произведения — внутреннему методу. Представленный во Введении для анализа специфики изложения диалогов Платона, в дальнейшем он станет методом перевода вообще. Прочие методы Шлейермахер резко критикует: например, систематизацию диалогов по типам знания (физика, этика и т.д.), несмотря на то, что это характерно для эллинистического периода и не относится к Платону. Видимо, именно эти исследователи и относятся к тем, кто считает, что «понял Платона лучше, чем он сам себя понимал» [Schleiermacher 1996, S. 29]. Другой крайностью (своего рода методологическим релятивизмом) выступает отказ от целостного понимания вообще, на том основании, что Платон был «спесивым диалектиком» / «übermütiger Dialektiker» и противоречил сам себе [Schleiermacher 1996, S. 32]. И в первом, и во втором случае мы сталкиваемся с отказом от попытки понять самого Платона — мы либо понимаем его «лучше», чем он сам, либо не понимаем вовсе. Сегодня нашлись бы те, кто сказал, это не так уж страшно, когда речь идет о конкретном давно умершем авторе, более того — это может быть источником постоянных дискуссий и имитировать актуальное присутствие автора в интеллектуальной жизни. Но как быть с конкретным произведением — остается только читать его на языке оригинала, т.к. перевод такого недопонятого или сверхпонятого автора либо невозможен, либо возможен только как пересказ.

Примером положительного — насколько это достижимо — результата в работе с использованием внешнего метода для Шлейермахера является труд Теннеманна, о котором он пишет с большим уважением, пусть и противопоставляет его метод своему. Указание на некое возможное совмещение методов не обосновывается, а в контексте прочих рассуждений больше похоже на реверанс в сторону Теннеманна. В «Системе платонической философии» Теннеманна

«впервые предпринята попытка с достаточной полнотой выявить хронологическую последовательность плато-

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

новских бесед, исходя из различных исторических свидетельств, наложивших на них свой отпечаток <...> этот метод, т.к. он полностью основан на внешних признаках, если бы они были широко применимы и каждой беседе Платона было бы определено ее место между двумя другими, был бы естественной проверкой нашего полностью внутреннего [метода — М.Г., Р.П.]» [Schleiermacher 1996, S. 47–48].

Слева — Вильгельм Готтлиб Теннеманн (Wilhelm Gottlieb Tennemann 1761–1819), немецкий философ и историк философии.

Слева — титульный лист третьего тома первого издания «Системы платонической философии» Теннеманна (Лейпциг, 1794).

Примером же толкования на основе самого текста, т.е. реализации внутреннего метода, может быть вывод, который делает Шлейермахер относительно диалогической формы сочинений Платона, опираясь на текст «Федра», где, как известно, идет речь о превосходстве беседы над написанным текстом. Такая установка Платона трактуется Шлейермахером как причина самой диалогической формы его сочинений, как бы воспроизводящих живую беседу и преодолевающих ограниченность написанного текста, насколько это возможно:

«Диалогическая форма, как необходимая для имитации того настоящего взаимного общения, столь же неизбежна и естественна для его писаний, как и его устных занятий» (см. [Schleiermacher 1996, S. 40–41]).

Таким образом, текст сам подсказывает, как надо его читать, нам же нужно погрузиться в текст, почувствовать его структуру, особенности, находить явные и скрытые подсказки в нем самом. Специфику этого метода удачно раскрыл Дильтей:

«Есть две характерные черты у этой философии [философии Платона — М.Г., Р.П.], которые здесь ведут к самому существенному в форме, обе очень близки Шлейермахеру благодаря внутреннему родству его духа с духом Платона. Первая — то, что философия здесь есть все еще жизнь и произрастает из дружеского общения, так что она прежде всего и поначалу есть беседа, живое общение, и лишь в последнюю очередь письменное изложение, связанное с тем, что оно просто не может успокоиться на том, чтобы только представить мысли, но имеет живую потребность породить эти мысли в другом, достоверно и во всей целостности породить. Отсюда следует художественная форма диалога, которая побуждает каждого читателя к собственному участию. Вторая черта — характер этой философии есть монизм системы, в силу которой все связано со всем» [Dilthey 1966. P. 681].

В исследованиях теории перевода Шлейермахера особое внимание всегда уделялось именно герменевтике, однако есть еще один философский путь, начинающийся с Введения и неисследованный до сих пор. Началом этого пути во Введении является уже рассмотренное деление методов. Здесь нужно заметить, что недостаток исторического материала — это один из вариантов неполноты информации о предмете. Предъявляя себе требование — работать с тем, что есть, мы не решаем проблему, а лишь сужаем проблемное поле, т.к. «есть» текст на ином языке. Инаковость чужого языка — это все та же ситуация неполноты информации, и она требует восполнения незнания. Однако во Введении эта ситуация не проблематизируется, философский аспект внутреннего метода, как и его эволюция, лучше виден из перспективы, что задает лекция «О разных методах перевода» (далее — для удобства — Лекция). Соотнесение высказанных в ней идей с Введением позволяет показать, что они были результатом многолетних размышлений.

Лекция была прочитана Шлейермахером летом 1813 г. К этому времени он уже четырнадцать лет⁷ работает над перево-

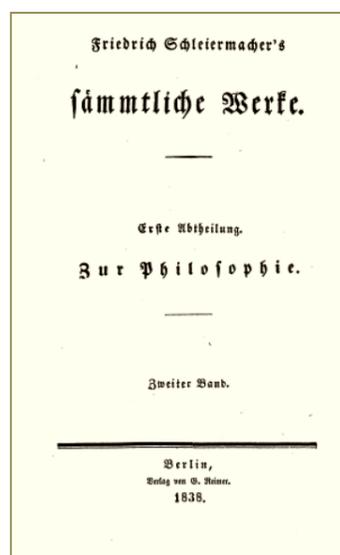
⁷ Если считать с 1799 года, когда Шлейермахер впервые «провел исследование платоновских диалогов для конкретной задачи», т.е. в рамках проекта Шлегеля (см. [Arndt 2013, S. 265–266]).

дами диалогов Платона и признан как ученый (член Академии наук с 1810 г. [Arndt 2013, S. 264]). Она наполнена теоретическими обобщениями и выводами, касающимися не только методологии перевода, но и развития культуры в целом. Приведенные в ней типы развития языка соотнесены с конкретными народами (немцами и французами). Способы пере-

ГАРЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

вода не просто классифицированы, но имеют социальную коннотацию (дворяне и малообразованная публика противопоставлены особой группе культурно развитых людей), т.е. носители языка разделены по своей роли в его развитии. Исторический контекст Лекции весьма насыщен: начало XIX в. — период наполеоновских войн, волна антифранцузских настроений совпадает со все более нарастающим влиянием буржуазии. Неудивительно, что связка общих теоретических положений в Лекции с конкретной социокультурной ситуацией порождает крайне политизированные интерпретации при ее исследовании. Яркий пример тому демонстрирует Л. Венути в своей работе «The Translator's Invisibility», с одной стороны, обобщая взгляды на позицию Шлейермахера как представляющую «прусское националистическое движение» [Venuti 1995, p. 99], с другой, — доводя их до крайности утверждением, что она была частью «проекта Германского культурного империализма» интеллектуальной элиты Пруссии того времени [Venuti 1995, p. 109], «позволяя немецкой культуре реализовать ее историческое [по представлениям элиты — М.Г., Р.П.] предназначение — мировое господство» / «global domination» [Venuti 1995, p. 99]⁸.

⁸ Насколько ошибочны эти утверждения, будет видно из приведенного ниже разбора Лекции. Венути иногда просто приписывает Шлейермахеру определенные взгляды, никак это не подтверждая, что странно, т.к. в целом работа «The Translator's Invisibility» довольно содержательная.

Слева — портрет Ф. Шлейермахера работы неизвестного художника. 1820.

Справа — титульный лист второго тома собрания сочинений Ф. Шлейермахера, в котором была опубликована его лекция «О разных методах перевода» (*Sämmtliche Werke*. Berlin, G. Reimer, 1838, Dritte Abtheilung, Zweiter Band, S. 207—245).

Не исключая определенного влияния социокультурного контекста на идеи Шлейермахера, стоит все-таки рассмотреть их с научной, а не политической точки зрения, доверившись многолетнему опыту талантливого ученого, каким без сомнения был Шлейермахер. Сугубо филологический подход к Лекции также существует (см. [Мишуров 2013, с. 11—16]). Однако, как и в случае политизированной трактовки, в нем упускается из виду предельно абстрактный уровень суждений культурологического и философского характера, социальные же коннотации не гипертрофируются, но игнорируются вовсе. Философское содержание Лекции остается неэксплицированным. Особенно глубоким и именно философским оказывается рассмотрение Лекции в аспекте герменевтики. Такой ее разбор делает Т. Германс (см. [Hermans 2015, pp. 77—106]). Но, как уже отмечалось, не все философское содержание теории перевода Шлейермахера исчерпывается герменевтической проблематикой, хотя, безусловно, нужно признать, что эта проблематика в Лекции основная.

Чтобы ясно и последовательно показать негерменевтический философский аспект Лекции, можно выделить в ней смысловые сегменты, из которых складывается основная идея. Такой подход будет особенно интересен, т.к. следует методу самого Шлейермахера, выраженному в «соматической метафоре».

В Лекции Шлейермахер представляет существование человека в ситуации тотального перевода, охватывающего как наше настоящее, так и наше прошлое, — ситуации порождаемой целой чередой барьеров понимания, которые по сути можно даже назвать коммуникативными разрывами.

Таких барьеров Шлейермахер указывает пять:

- А) разные языки (народы),
- Б) внутри одного языка (народа) —
 - 1) разные наречия («племена»),
 - 2) различное образование и культурный опыт («классы»),
 - 3) различные взгляды и характеры (люди),
 - 4) изменение в ходе развития индивида (т.е. только конкретный человек и только в настоящем мгновении открыт себе и не требует перевода для самого себя) [Шлейермахер 2000, с. 127—128]⁹.

⁹ Для развернутого цитирования Лекции используется перевод [Шлейермахер 2000]. При необходимости даются уточнения и термины по немецкому оригиналу [Schleiermacher 2002].

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Таким образом, человек обусловлен потребностью постоянного перевода всего, что определяется его деятельностью. Он живет в преодолении барьеров понимания и это — неотъемлемая часть культуры. Перевод определяет специфику человеческого существования вообще. В этом смысле работа переводчика становится фундаментальной культурообразующей, даже человекообразующей деятельностью — человек рождается и существует как переводчик¹⁰.

¹⁰ Говоря языком философии XX в., перевод как процесс есть экзистенциал человека, человек же есть человек переводящий.

Однако Шлейермахер избегает такого вывода, оставляя всю сложность переводов внутри языка «чувству» и «нравственности». Им просто постулируется некая «открытость смысла» в рамках одного языка. Проще говоря, такой перевод отдается на откуп самой культуре и не проблематизируется. Внимание Шлейермахера сосредоточивается на переводе с одного языка на другой.

В первый смысловой сегмент Лекции можно выделить указанные в ней представления о языке. Язык — «явление историческое, соответственно он непостижим вне истории. Язык не изобретают» [Шлейермахер 2000, с. 135]. Следовательно, в каждом произведении «воплощается <...> вся история языка». В конкретном историческом пути развития культуры язык наполняется своеобразием — «духом языка» / «Geist der Sprache».

Есть «свободные языки» — «терпимо относящиеся к необычному и новому, готовые претерпеть определенные изменения под посторонним влиянием» (по Шлейермахеру, это немецкий язык). Есть «скованные языки» — они «стремятся к расширению своей сферы, пытаются говорить за иностранцев и осваивая чужие произведения путем пересказа или переложения» (таков французский язык) [Шлейермахер 2000, с. 138]¹¹.

¹¹ «Кто дерзнет утверждать, что французы когда-либо что-либо перевели с древних и, тем более, с германских языков?» [Шлейермахер 2000, с. 144]. Здесь, конечно, можно увидеть влияние сиюминутной политической ситуации, как укол в сторону французов, но даже в этом случае вряд ли речь может идти о «выходе к мировому господству», о котором пишет Ветути.

В языке «существенно и внутренне мысль, и выражение — это совершенно одно и то же» / «wesentlich und innerlich Gedanke und Ausdruck ganz desselbe sind» [Schleiermacher 2002, S. 85]¹², что в принципе и делает перевод возможным. Но

¹² В русском переводе это существенная и внутренняя идентичность, по сути, — единство, представлена словом «соприродность» [Шлейермахер 2000, с. 140], что, с одной стороны, лаконично и красиво, с другой, — отсылает к концепту «природа» и может вызвать дополнительные вопросы. Как видим, мы по ходу работы сталкиваемся все с теми же проблемами, которые описывает Шлейермахер.

язык к этому несводим, ведь «кто осмелится разъять речь, вычленив в ней то, что принадлежит языку, и затем осмелится с помощью некоего химического процесса заново связать ее сущность с природой и силой другого языка?» Другими словами, барьер между языками образуется культурным различием.

Второй смысловой сегмент раскрывает особенности носителя языка — человека.

Он «находится во власти языка» (родного), т.е. «он и все его мысли суть творения языка», у него «не может возникнуть никакой сколько-нибудь определенной мысли вне языка». Однако человек не только формируется языком, но и сам формирует язык — «каждый свободно мыслящий, духовно независимый человек создает свой собственный язык». Эта творческая независимость от диктата языка обусловлена некоей «живой силой» / «lebendige Kraft» [Schleiermacher 2002, S. 71], и может оказать влияние и на язык в целом. Так,

«каждая незаурядная личность, в которой своеобразно преломляется дух народа, действует через язык» [Шлейермахер 2000, с. 135].

Человек реализует язык в речи; соответственно, речь обусловлена 1) «духом языка» и 2) «ситуацией и внутренним состоянием говорящего»; т.е. речь осуществляется в симбиозе общего и частного¹³. Здесь человек раскрывается не только

¹³ В этом даже можно усмотреть диалектику развития языка, но опять же — изменения внутри языка не становятся для Шлейермахера серьезной проблемой.

как переводчик, но и как автор. Это вторая его фундаментальная характеристика, но Шлейермахер анализирует именно первую. Относительно нее каждый человек представляет собой определенный тип читателя. Всего таких типов у Шлейермахера можно выделить четыре.

Первый и второй типы не нуждаются в чьем-либо переводе, они осуществляют его сами. Первые — «удивительные люди» / «wunderbare Männer» [Schleiermacher 2002, S. 77] — **уникальные**, т.к. «ощущают родственную связь с чужим существованием»¹⁴, поэтому могут «отчуждаться от родного языка»¹⁵. Вторые — **понимающие** чужой язык «без посредства»;

¹⁴ В данном случае Шлейермахер говорит не только о языке, но и о чувстве, как бы еще раз возвращаясь к теме того коммуникационного разрыва внутри языка, классификацией которого он начал Лекцию.

¹⁵ Речь не об отречении от родного языка и культуры, а о полноценном переключении на другие язык и культуру.

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Скорее всего, здесь подойдет пример билингвизма.

их отличие от первых не выражено в Лекции сколь-либо четко. Но учитывая характеристику — «какой бы язык они ни примерили, любой оказывается им впору» [Шлейермахер 2000, с. 135], — можно сделать вывод, что, свободно перемещаясь в разных языках, они способны не просто проникать в чужой язык, но и выражать свой опыт на разных языках столь схоже, сколь различие «духа языка» это вообще позволяет. Видимо, именно второй тип читателя способен стать настоящим переводчиком. Природа феномена первых двух типов Шлейермахером не поясняется. Возможно, это — дар, талант сродни всякому другому. В любом случае, это удел немногих, так что вряд ли это указание на роль буржуазии, как считает Венути [Venuti 1995, p. 103], скорее, на роль художника / особо одаренной личности в культуре.

Следующие два типа нуждаются в переводе либо как в помощи, либо как в компенсации своей неспособности. Первый из них — **срединный** читатель, находящийся «на полпути» / «mitten inne liegt» [Schleiermacher 2002, S. 78] между двумя первыми типами. К нему относятся «люди с развитым вкусом», из «образованных слоев», обладающие определенным опытом изучения иностранного языка, но недостаточным для самостоятельного перевода. Второй — дети и культурно **малоразвитые** взрослые, они могут воспринимать полноценно только родной язык, в лучшем случае способны к «школярскому пониманию» иностранного языка. Шлейермахер не указывает этот тип прямо, но его наличие следует как из упоминания Беккеровских изданий для детей [Шлейермахер 2000, с. 134–135], так и из факта существования читателя «на полпути», который должен еще быть подготовлен, культурно развит, т.е. ему предшествует читатель в некотором недоразвитом состоянии. В этом смысле срединный читатель находится не только «на полпути» от умеющего погружаться в чужой язык и умеющего воспроизводить опыт погружения на родном языке, но и между совершенно развитыми и малоразвитыми читателями.

Практика субъекта языка (автора) — речь — создает две области перевода (третий смысловой сегмент Лекции). Область «устного» перевода — обыденная речь и деловая сфера. Эта область чисто технически, конечно, может быть и письменной. Речь на обоих языках регулируется «официально принятой нормой, либо существующим обычаем, либо стороны сами объясняют их друг другу». Все определяет внешняя по отношению к конкретному языку реальность — «деловая жизнь» / «Geschäftsleben», где работают с «предметами очевидными и точно определенными». Автор в этой ситуации лишь «инструмент», т.е. выразитель устоявшихся смыслов. Шлейермахер говорит об «арифметическом и геометрическом» характере таких разговоров¹⁶. Здесь нет принципиальной проблемы перевода, и «при отсутствии грубых ошибок хороший

¹⁶ Такая ассоциация Шлейермахера вряд ли может считаться случайной — язык математики универсален и не допускает разночтений, это тот язык, который не требует перевода. В естественном языке к нему приближаются строго регламентированные дискурсы, чему соответствует пример Шлейермахера с ведением дел на латыни — «это правомерно лишь в случаях, если предмет важнее, чем собственный взгляд на него» [Шлейермахер 2000, с. 142].

перевод мало отличается от плохого» [Шлейермахер 2000, с. 129]. В итоге, для понимания достаточно самой нормы и дела. Таким образом, Шлейермахер указывает возможный способ устранения культурных различий: дополнить внутреннюю идентичность мысли и выражения единообразием нормы, чего можно добиться, поставив в основу строго регламентированное взаимодействие по поводу «точно определенного предмета». Собственно, в такой ситуации не только индивидуальный фактор, но и «дух языка» уже не имеет значения, т.к. под влиянием дела он перерождается в норму говорения об этом деле. Соответственно и работа переводчика здесь вторична, он — Dolmetscher (толмач, такой же инструмент, как и автор).

Область «письменного» перевода — наука и искусство. Здесь высока самостоятельность автора, он творец «собственного видения». Эта область определяется:

- 1) «способностью автора к свободному поиску»,
- 2) «духом языка в его неповторимом своеобразии» (что, видимо, следует понимать как свободу от рамок определенных нормы и обычая).

«Предмет утрачивает свое главенствующее положение, полностью подчиняясь мысли и чувству, возникает и существует только в речи», т.е. он полностью зависит от «мысли и чувства» говорящего (автора)¹⁷. Именно эта область активности

¹⁷ Особенно интересно, что такое беспредметное, субъективное творение Шлейермахер отводит и науке.

субъекта языка оказывается проблемной (в двух аспектах):

- 1) чем больше различий во «времени» и «происхождении», тем ниже «словесное соответствие» разных языков (это можно назвать формальной проблемой),
- 2) «своеобразие писателя» и «духа языка» не объясняются строго рациональными — арифметическими — методами, т.к. несоотносимы с некоей внеязыковой реальностью предмета/дела (это проблема содержания). Только решение этих проблем делает переводчика «настоящим переводчиком» / «eigentliche Uebersetzer» [Schleiermacher

2002, S. 68].

Становится ясно, что одно лишь творчество препятствует выхолащиванию культуры, сведению ее к болтовне и деловым разговорам, только оно противостоит делу в качестве основы языка, когда в центре внимания оказывается человек, индивид. Рассуждения Шлейермахера построены так, имеют такие посылки, что сделать из них негуманистические выводы невозможно, это особенно важно подчеркнуть ввиду уже указанной политической интерпретации.

Если в первой области стоит задача соответствия внешнему фактору, состоянию объекта, задача во второй области — соответствие выражению внутреннего состояния (мыслей, чувств) субъекта языка (автора), что определяется Шлейермахером как «сближение писателя с читателем» / «einander zuführen»¹⁸ [Шлейермахер 2000, с. 132; Schleiermacher 2002, S. 74].

¹⁸ В экзистенциальном смысле это можно представить как соединение с самим собой, беспрестанный процесс обретения себя. В проблеме перевода с одного языка на другой это задача движения навстречу иной культуре.

Здесь он указывает два возможных и уже устоявшихся метода перевода и заранее отвергает их как «неприемлемые для нашей идеи перевода» (что составляет четвертый смысловой сегмент Лекции). Они только предшественники собственно шлейермахеровского понимания перевода, не выходящие за рамки узкопрофессиональной работы переводчика, как она обычно понимается.

Первый метод — это парафраза / «Paraphrase» — «механический» перевод (сегодня он понимается как буквальный, калькированный), им «элементы языка сопоставляются как математические величины». В нем теряется живая речь, в стремлении к точности «пропадает дух языка» (своеобразие). Это слишком грубое «сближение писателя с читателем»; распространен в сфере науки.

Второй метод — пересказ / «Nachbildung» — барьер понимания признан непреодолимым, создается лишь «подобие оригинала». Как следствие велико влияние своеобразия языка перевода, что также ведет к утрате «духа языка» оригинала и иногда к «иному толкованию» самого текста, т.е. к полному отсутствию «сближения писателя и читателя» (у читателя создается лишь «впечатление», на большее такой перевод и не претендует); распространен в искусстве [Шлейермахер 2000, с. 133; Schleiermacher 2002, S. 77].

Как видим, оба имеющихся метода перевода не соответствуют сложности второй проблемной области, и также ведут к упрощению, как и переводы в первой, однако искажения тут опаснее, т.к. нет внешней инстанции и перевод легко коллапсирует либо в малосодержательный формализм, либо в буйство фантазии. Парафраза и пересказ — «пограничные знаки» — крайние точки, подлинный перевод — «сближение» (преодоление барьера) — находится где-то между ними, соединение их невозможно, т.к. «верность ритма и мелодии приходит в противоречие с грамматикой и смыслом» [Шлейермахер 2000, с. 138]. Соответственно, любой переводчик вне парадигмы Шлейермахера оказывается обречен на неполноценный перевод, в строгом смысле перевод невозможен.

Однако эти два метода подготавливают того самого срединного читателя, а также от их методологических установок — точности и впечатления — можно определить «два пути» перевода и, кажется, «прийти к компромиссу». Именно в этом пункте своих рассуждений Шлейермахер переходит от обычного понимания перевода с одного языка на другой к новому пониманию, к которому его привел его многолетний опыт переводов Платона. Определение этих двух путей составляет пятый смысловой сегмент Лекции и выводит Шлейермахера к ключевой идее.

Первый путь «ведет писателя к читателю». Здесь «компенсируется незнание иностранного языка читателем», т.е. переводчик работает за читателя, развивается вместо него. Это, соответственно, «не требует от читателя никаких усилий» [Шлейермахер 2000, с. 139], т.е. читатель не развивается, он в положении ребенка, которому годны лишь переложения, «как у Беккера» [Шлейермахер 2000, с. 134]. Вольности переводчика в этом случае он называет «сомнительной игрой», хотя и допускает такую игру для комедии, т.к. «язык этого жанра более всего напоминает язык светской болтовни», т.е. поверхностного владения языком¹⁹. В такой ситуации остается «опасность подмены» автора, т.е. уйти по этому пути от

¹⁹ Должно быть, некоторые ценители комедии могли бы в этом поспорить с ним.

пересказа практически невозможно²⁰. Все, чего можно добиться, так это упрощения языка²¹. Таким образом, первый

²⁰ В силу уже упомянутой неустранимости культурного фактора и несводимости естественного языка к механической функции однотипных выражений, «заставить автора говорить на языке перевода так, как будто это его родной язык, — задача недостижимая и нелепая» [Шлейермахер 2000, с. 140].

²¹ Шлейермахер приводит пример со знанием многих языков без проникновения в культуру — «в наше время народы пришли в движение, всюду рыночная толчея и базарные разговоры, которые, идет ли в них речь о политике, светской жизни или литературе, не имеют ничего общего с настоящим переводом» [Шлейермахер 2000, с. 141]. Это не обязательно койне, но и совершенное владение языком аристократией, чьи «изящные речи одинаково легко льются на разных языках». Здесь Шлейермахер снова делает выпад в сторону Франции и моды на французский язык: немецкая аристократия предпочитает французский язык «бедному немецкому», оказывается оторванной от «корней родного языка» [Шлейермахер 2000, с. 141], но и не проникает во французскую культуру. Этот упрек — лишь производное от идеи, которую далее Шлейермахер высказывает: «...даже если в известном смысле справедливо, что образованный

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

человек лишь тот, кто владеет многими языками и ощущает себя гражданином мира, то справедливо и другое: как не является подлинным гражданином мира тот, кто подавляет в себе любовь к отечеству, так и любовь ко всем языкам без разбору не может быть основой подлинного образования» [Шлейермахер 2000, с. 141–142].

подход (хотя изначально и говорилось о возможности компромисса) полностью дискредитируется. Шлейермахер язвительно сравнивает полученный на этом пути перевод с портретом, где человек изображен так, «как если бы мать родила его от другого отца» [Шлейермахер 2000, с. 143].

Второй путь «ведет читателя к писателю». На этом пути в идеале «читатели превратились бы в знатоков и современников автора». Перевод здесь нереализуем, если «образованная часть народа не имеет опыта внутреннего проникновения в дух иностранного языка» [Шлейермахер 2000, с. 131], т.е. пока читатель культурно неразвит²². Соответственно, перевод

²² Это особенно интересно, т.к. перевод в таком понимании перестает быть узкоспециальной задачей, это уже полноценный коммуникативный процесс, где реципиент (читатель) становится активным: только лишь правильным образом написанный, но неправильным образом прочитанный перевод не может считаться осуществленным.

должен быть всеохватным и систематическим — «необходимо было бы переложить на другой язык целую литературу» [Шлейермахер 2000, с. 139], он «учит» читателя и осуществляется «постепенно» как сложный культурный процесс (на этом пути будут «возникать разные школы перевода»). Именно при таком подходе, требующем развитого читателя, можно «говорить о создании особого языка, который не тождествен повседневному, является результатом целенаправленной деятельности» [Шлейермахер 2000, с. 137]. Это не стоит понимать как противоречие с утверждением «язык не изобретают». Используя современную терминологию можно сказать, что речь идет о дискурсе как определенной практике словоупотребления. Только внутри такого дискурса «переводчику обеспечено право на вольность» [Шлейермахер 2000, с. 144]. Благодаря этому перевод, близкий тексту оригинала, не будет казаться читателю «чужеродным». Другими словами, читатель приближается к той самой «открытости смысла», которая существует внутри языка и делает текст понятным из него самого. Внешние барьеры устраняются, возможно, полностью, как в случае двух первых типах читателей²³.

²³ Неудивительно, что Т. Германс видит в этом упразднение вообще обеих стратегий перевода: «Причина проста: точкой, в которой автор и читатель встречаются, может быть только переводчик <...> Альтернатива, которая находится за пределами области перевода, имела бы следствием то, что читатель оказался бы полностью дома в другом языке или что язык охватывал бы читателя до такой степени, что он стал бы другой личностью» [Hermans 20015, pp.100–101]. Это он пишет, несмотря на рассуждение Шлейермахера о роли родного языка, ведь при исключительно герменевтической трактовке Лекции ускользает понимание перевода как культурного процесса — процесса развития и обогащения одной культуры через сближение с наследием другой. В этом смысле человек, развиваясь в контексте такой динамичной, обогащающейся культуры, безусловно, становится «другой личностью». Но «другой» в сравнении с тем, какой личностью он был бы в рамках культуры статичной и замкнутой. И если в герменевтическом смысле можно говорить об упразднении обеих стратегий перевода, то в смысле культурного развития стратегия движения читателя к писателю оказывается программной — в ней залог успеха, в данном случае успеха превращения «бедного немецкого» языка в язык, значимый для всей Европы.

Шлейермахер откровенно отдает предпочтение точности, т.е. вниманию к особенностям другого языка и культуры, представленным в тексте. Все внешнее по отношению к ним должно быть максимально упразднено²⁴. Очевидно, что здесь

²⁴ Что неудивительно в виду уже указанной гуманистической логики рассуждений Шлейермахера.

проявляется тот самый внутренний метод Введения, что показывает нам развитие и усложнение идей Шлейермахера. Внутренний метод перерастает узкотехнические задачи как Путь к автору, где происходит отвлечение от всего внешнего относительно авторского текста²⁵, но уже на уровне всего языка и культуры. Внешним в этом случае являются язык и

²⁵ В этом смысле Шлейермахер имплицитно переносит установку христианской герменевтики — прочесть / понять слова Бога (что, по сути, являлось движением к Автору / Творцу) — на межкультурное взаимодействие и языки.

культура переводчика / читателя, которые не подменяют собой авторские язык и культуру, но обогащаются ими, т.е. Шлейермахер руководствуется теми же принципами, что и во Введении, но значительно шире использует их.

Все методы, по Шлейермахеру, так или иначе, сводятся к этим двум путям (в связи с чем допустимо назвать их стратегиями). Обе стратегии имеют значение при подготовке читателя, но только вторая предполагает активное и постоянное развитие читателя. Должно быть, именно в таком смысле и возможен тот самый компромисс.

Как видим, перевод, по сути, уже понимается Шлейермахером не столько как метод работы переводчика или подход к методу, а как общекультурная программа, нацеленная на личностное развитие и обогащение собственного языка (культуры) через сближение с языком (культурой) другого народа. Ведущей стратегией такого перевода является движение читателя к писателю, где цель — это «понимание» / «Verstehen» [Шлейермахер 2000, с. 139; Schleiermacher 2002, S. 84], а условие — «гибкость языка», т.е. открытость культуры²⁶. Такая гибкость есть не что иное, как способность языка к

²⁶ Это еще один пример того, что ни о каком «национализме» Шлейермахера не может идти и речи. Наоборот, Шлейермахер предлагает путь развития родного «бедного немецкого», который «расцветает и входит в полную силу в многообразных соприкосновениях с чужим» [Шлейермахер 2000, с. 144].

ГАРЦЕВ М.А., Платонов Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

восприятию нового и продуктивным изменениям. Язык здесь проводник и творец смыслов, через который являет себя культура — вся целиком, более того — культура, преломленная в индивидуальной жизни автора. Переводчик в этой ситуации только читатель, идущий в авангарде общего процесса развития.

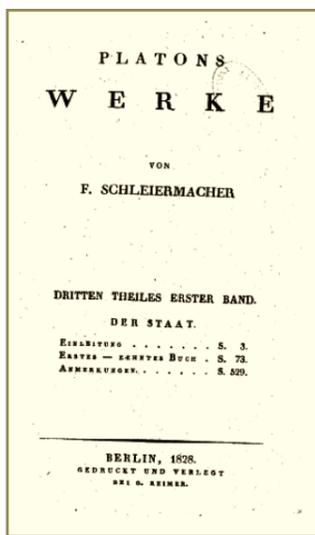
Примечательно, что в Лекции, где разворачивается столь фундаментальная теория, Шлейермахер уходит от примера или прямых ссылок на свой опыт перевода диалогов Платона («Платон сам виноват, что сейчас мне придется перейти к комедии», — отшучивается он [Шлейермахер 2000, с. 143]). Он говорил:

«...если переводчик собирается переводить писателя-философа в намерении точно передать систему его понятий и при этом не решается уподобить язык перевода языку оригинала, а, наоборот, пытается заставить писателя заговорить на своем языке, то ему ничего не остается, имея в виду полное несходство языков, кроме как прибегнуть к парафразе, заведомо обрекая себя на поражение» [Шлейермахер 2000, с. 143].

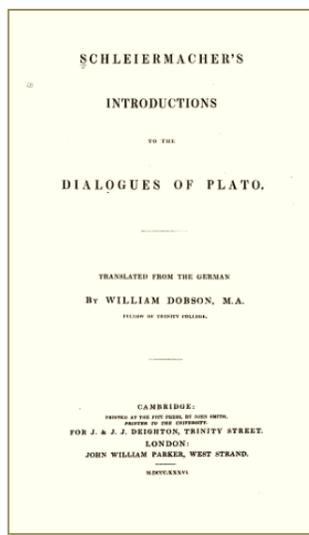
Публика, присутствовавшая на Лекции, не могла не понимать, к какому пути Шлейермахер относит свои, уже широко известные, переводы. Теперь всякий, взявший его труд в руки, будет вспоминать, что сейчас его — читателя — не просто поведут к писателю, но вовлекут в сложные коммуникативные связи, которые и от него самого потребуют серьезной и долгой работы. Другими словами, Шлейермахер в своей Лекции сказал не только о том, как надо переводить, но и как надо читать. Его же работа над текстами Платона — это лишь один из первых шагов, его вклад в процесс духовного развития своих соотечественников, в ту большую и длительную работу, где «искусство должно преисполниться терпения» [Шлейермахер 2000, с. 144].

Бюст Ф. Шлейермахера работы Х.Д. Рауха.
Первая половина XIX в.

Титульный лист третьей части первого тома сочинений Платона в переводе Ф. Шлейермахера 1828 г. издания (Berlin, G. Reimer)

Титульный лист английского перевода предисловия Ф. Шлейермахера к переводам диалогов Платона (Cambridge and London: J. & J.J. Deighton, J.W. Parker, 1836)

Современные издания переводов Ф. Шлейермахера: слева — одиннадцатый том первой секции Критического собрания сочинений (Kritische Gesamtausgabe. Berlin: De Gruyter, 2002); справа — диалоги Платона (Köln, Anaconda Verlag GmbH, 2013)

Начавшийся с амбициозной цели — перевести все сочинения Платона на немецкий язык, — уходящей корнями в идею романтиков представить Платона как «романтического» художника», многолетний труд, по сути, привел Шлейермахера к мысли о том, что перевод — это общекультурная задача, она неразрешима силами группы даже очень образованных людей, тем более — одного человека. Перевод перерастает не только чисто технический процесс переложения слов одного языка на слова другого, но и работу «настоящего переводчика»: это дело многих поколений, процесс духовного обогащения национальной культуры и каждой личности. Фраза в конце Лекции — «мы редко говорим и слишком много болтаем» — звучит не только как упрёк, но и как призыв к развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишкурин Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода. Часть II // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 3 — 41.
2. Шлейермахер Ф. О разных методах перевода. Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 2. С. 127 — 145.
3. Arndt A. *Friedrich Schleiermacher als Philosoph*. Berlin: De Gruyter, 2013.
4. Arndt A. "Schleiermacher und Platon." *Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher. Über die Philosophie Platons*. Ham-

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

- burg: Meiner, 1996, S. VII—XXII.
5. Dilthey W. "Schleiermachers System als Philosophie und Theologie." *Leben Schleiermachers*. Berlin: De Gruyter, 1966, Bd. 2.
 6. Hermans T. "Schleiermacher and Plato, Hermeneutics and Translation." *Friedrich Schleiermacher and the Question of Translation*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2015, pp. 77—106.
 7. Lamm J.A. "Schleiermacher as Plato Scholar." *Journal of Religion* 80.2 (2000): 206—239.
 8. Lamm J.A. "The Art of Interpreting Plato." *Cambridge Companion to Friedrich Schleiermacher*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. pp. 91—108.
 9. Nowak K. *Schleiermacher: Leben, Werk und Wirkung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
 10. Schlegel F. "Von F. Schlegel. Jena, Montag, 10.3.1800." *Kritische Gesamtausgabe von F. Schleiermacher*. Berlin: De Gruyter, 1992, V. Abt., Bd. 3., S. 411—415.
 11. Schleiermacher F. "An C. G. v. Brinkmann. Berlin, Montag, 9.6.1800." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1994, Bd. 4., S. 79—82.
 12. Schleiermacher F. "An F. Schlegel. Berlin, Sonnabend, 14.3.1801." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1999, V. Abt., Bd. 5, S. 68—71.
 13. Schleiermacher F. "An H. Herz. Potsdam, Montag, 29.4.1799." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1992, V. Abt., Bd. 3, S. 101—102.
 14. Schleiermacher F. "Einleitung." *Über die Philosophie Platons*. Hrsg. P.M. Steiner. Hamburg: Meiner, 1996, S. 25—69.
 15. Schleiermacher F. "Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 2002, I. Abt., Bd. 11, S. 67—93.
 16. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London and New York: Routledge, 1995.
 17. von Wilamowitz-Moellendorff U. *Platon*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, Bd. 1., 2. Aufl., 1920.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Гарнцев, М. А., Платонов, Р. С. Проект Шлейермахера: перевод диалогов Платона и задача общекультурного развития [Электронный ресурс] / М.А. Гарнцев, Р.С. Платонов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.54.

SCHLEIERMACHER'S PROJECT: TRANSLATION OF PLATO'S DIALOGUES AND CULTURAL DEVELOPMENT PROBLEM

Mikhail A. Garntsev, Ph.D., Associate Professor, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University
E-mail: plotinus@yandex.ru

Roman S. Platonov, M.Hum., Postgraduate student at Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University
E-mail: roman-vsegda@mail.ru

Schleiermacher's understanding of nature and objectives of translation / interpretation / hermeneutics was formed in a specific socio-cultural environment, and studying genesis of this understanding allows us to rethink Schleiermacher's ideas in themselves in the historical and contemporary perspectives.

So, the subject of our research is philosophical content of Schleiermacher's translation theory, for which purpose we used historical and genetic, general philosophical, logical and hermeneutical methods and textual analysis. Our goal was to show Schleiermacher's translation theory is not confined only to hermeneutical problematic. It involves special understanding of translation in the wide sense as the task of cultural development and introduction to other cultures by means of language. Such understanding is a result of Schleiermacher's long experience in the translation of Plato's dialogues and is determined by principles of 'Internal method' in translation, which is devised by him. We analyze a presentation of Schleiermacher's transla-

ГАРНЦЕВ М.А., ПЛАТОНОВ Р.С. ПРОЕКТ ШЛЕЙЕРМАХЕРА: ПЕРЕВОД ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА И ЗАДАЧА ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

tion methodology in his lecture *On Different Methods of Translation* (1813) and compare it with description of 'Internal method' in his Introduction to translation of Plato's dialogues.

We conclude according to F. Schleiermacher, translation in the ordinary sense is always incomplete, only translation in the wide sense could give a genuine rapprochement with a text of other culture.

Keywords: translation, language, culture, method, reader, translator, author, writer, Plato, Schlegel, Schleiermacher.

References:

1. Arndt A. *Friedrich Schleiermacher als Philosoph*. Berlin: De Gruyter, 2013.
2. Arndt A. "Schleiermacher und Platon." *Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher. Über die Philosophie Platons*. Hamburg: Meiner, 1996, S. VII–XXII.
3. Dilthey W. "Schleiermachers System als Philosophie und Theologie." *Leben Schleiermachers*. Berlin: De Gruyter, 1966, Bd. 2.
4. Hermans T. "Schleiermacher and Plato, Hermeneutics and Translation." *Friedrich Schleiermacher and the Question of Translation*. Berlin and Boston: De Gruyter, 2015, pp. 77–106.
5. Lamm J.A. "Schleiermacher as Plato Scholar." *Journal of Religion* 80.2 (2000): 206–239.
6. Lamm. J.A. "The Art of Interpreting Plato." *Cambridge Companion to Friedrich Schleiermacher*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. pp. 91–108.
7. Mishkurov E.N. "On the 'Hermeneutical Turn' in Contemporary Theory and Methodology of Translation. II." *Herald of Moscow State University. Series 22: Translation Theory 2* (2013): 3–41. (In Russian).
8. Nowak K. *Schleiermacher: Leben, Werk und Wirkung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002.
9. Schlegel F. "Von F. Schlegel. Jena, Montag, 10.3.1800." *Kritische Gesamtausgabe von F. Schleiermacher*. Berlin: De Gruyter, 1992, V. Abt., Bd. 3., S. 411–415.
10. Schleiermacher F. "An C. G. v. Brinkmann. Berlin, Montag, 9.6.1800." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1994, Bd. 4., S. 79–82.
11. Schleiermacher F. "An F. Schlegel. Berlin, Sonnabend, 14.3.1801." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1999, V. Abt., Bd. 5, S. 68–71.
12. Schleiermacher F. "An H. Herz. Potsdam, Montag, 29.4.1799." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 1992, V. Abt., Bd. 3, S. 101–102.
13. Schleiermacher F. "Einleitung." *Über die Philosophie Platons*. Hrsg. P.M. Steiner. Hamburg: Meiner, 1996, S. 25–69.
14. Schleiermacher F. "On Different Methods of Translation. Lecture given on June 24, 1813." *Herald of Moscow State University. Series 9: Philology 2* (2000): 127–145. (In Russian).
15. Schleiermacher F. "Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens." *Kritische Gesamtausgabe*. Berlin: De Gruyter, 2002, I. Abt., Bd. 11, S. 67–93.
16. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London and New York: Routledge, 1995.
17. von Wilamowitz-Moellendorff U. *Platon*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, Bd. 1., 2. Aufl., 1920.

Cite MLA 7:

Garntsev, M. A., and R. S. Platonov. "Schleiermacher's Project: Translation of Plato's Dialogues and Cultural Development Problem." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta' [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text]* 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprovr_e-ast10-1.2015.54>. (In Russian).